

Щенячьи ушки всё слышат!

Режиссёр Чжэн всё же немного беспокоился.

Несмотря на то что образ Шу Мина его полностью устраивал, в юноше жила та особая, только ему присущая черта, которая в корне отличала его от книжного Бай Шаня. Этот влажный, полный доверия взгляд и лукавство, свойственное только Шу Мину...

Многие фанаты за глаза называли это «щенячьим очарованием». Вот и сейчас: эта его робость после примерки, это детское, требующее ласки и одобрения кокетство — всё это было частью его натуры. Но удивительно: любые подобные выходки, которые в исполнении другого выглядели бы манерно, у этого парня смотрелись совершенно естественно.

И даже если в нём порой проглядывала детская наивность или ребячество, окружающие лишь невольно вздыхали: «Ну и что с того, если наш щеночек немного покапризничает?» В Шу Мине не было ничего, что могло бы вызвать раздражение. Именно поэтому все на съёмочной площадке так охотно бросились его утешать.

Такой дар — мгновенно располагать к себе людей — не купишь ни за какие деньги. Другие звёзды могли лишь завидовать, а для Чжэн Ивэя это стало ещё одной причиной, по которой он утвердил парня на роль. Этот мальчишка просто рождён для того, чтобы блистать!

Однако герой романа Бай Шань был совсем иным — по-настоящему мягким, простым и бесхитростным юношей. И хотя в нём тоже было много черт, за которые его любили читатели, включая юношеский задор, ему не хватало той пронырливости и смекалки, что были у Шу Мина. Вместо них за внешней простотой Бай Шаня скрывалась застенчивость и дикая, необузданная воля степей.

Проще говоря, Бай Шань был гораздо молчаливее. Чжэн Ивэй всерьёз опасался, что Шу Мин невольно перенесёт свои яркие личностные качества на экран, и тогда образ героя будет разрушен.

Затаив дыхание, режиссёр впился взглядом в монитор, ожидая первого появления Шу Мина в кадре.

Стоило слуху о пробах разлететься по павильону, как вокруг съёмочной площадки собралась толпа.

Шу Мина в группе любили. И дело было не только в его природном обаянии: парень обладал

по-настоящему искренним сердцем. За ту неделю с лишним, что он провёл здесь, участь и наблюдая, едва ли нашёлся человек среди технического персонала, с которым он не разделит бы фрукты или сладости. Почти каждый хоть раз принимал помощь от этого «энтузиаста из отряда спасателей». Даже если кто-то и недолюбливал юношу, таких были единицы. Большинство же искренне симпатизировало этому живому, энергичному мальчишке. Поговоришь с ним пару минут — и сам словно молодеешь!

Тем не менее, узнав о требованиях режиссёра, многие невольно начали за него переживать. По правде говоря, условия были суровыми: новичок, первая в жизни сцена, да ещё и в паре с признанным мастером. Одно сочетание этих факторов создавало колоссальное давление! Не говоря уже о том, что Шу Мин пропустил все подготовительные этапы: читки сценария и глубокую проработку персонажа. Чжэн Ивэй лишь вкратце объяснил ему расстановку в кадре, ввёл в курс дела и, по сути, бросил под танки. В таких условиях, если Шу Мин просто не сорвётся и доиграет сцену до конца, это уже будет выдающимся результатом для дебютанта.

В степи воцарилась золотая осень. Куда ни глянь — всё залито янтарным светом. Именно в такой погожий осенний день Мэн Паньлань впервые встретила Бай Шаня.

В этот миг любимец степей, сидя верхом на коне, с крайне недовольным видом выслушивал нотации отца. Бай Суна играл рослый, крепкий мужчина — титулованный актёр, который для этой роли долго и упорно тренировался, наращивая мышечную массу. Внушительный Бай Сун, восседая в седле, с подавляющей силой выстреливал фразы на языке народа М. Смысл сводился к одному: нечего и думать о дальних странствиях, когда дома скот и молодняк требуют присмотра.

Следом в кадре появился Шу Мин. Выслушав упрёки, юноша на мгновение замолчал. Лёгкий ветерок шевелил его волосы, пока конь мерно вышагивал вперёд. Наконец в объективе камеры показались его упрямые, ясные глаза.

Юноша повернул голову и заговорил. Под пристальными взглядами всей группы он совершенно невозмутимо выдал длинную тираду на языке народа М — и это было... невообразимо.

Все присутствующие буквально впали в ступор. Какой странный акцент! Речь Шу Мина превратилась в невообразимый коктейль из северо-западного говора с запахом жареной баранины и характерного для народа нин неразличения носовых звуков. Казалось, парень изобрёл свой собственный, инопланетный язык.

По сути, слова-то он произносил правильные, но из-за чудовищного произношения это больше напоминало радиосигналы, которые пришелец отправляет в космос. А учитывая абсолютно серьёзное, сосредоточенное лицо Шу Мина, зрелище становилось вдвойне комичным.

За пределами съёмочной площадки все уже едва сдерживали смех. Люди изо всех сил

старались не шуметь, но плечи их мелко дрожали. Даже партнёр по сцене — опытный актёр — едва не раскололся: уголок его губ подозрительно дёрнулся.

Однако постепенно смешки стихли. Все осознали, что Шу Мин не только не рассмеялся, но даже не вышел из образа, продолжая играть своего Бай Шаня!

— Я просто хочу посмотреть мир! Я не желаю... — Поняв, что отца ему сейчас не переубедить, он проглотил остальные слова и, понуриив голову, проехал чуть вперёд.

Это дитя степей, вскормленное этой землёй, всем сердцем стремилось её покинуть. Бай Шань не хотел провести всю жизнь здесь, в плену привычных пейзажей. Он мечтал увидеть острова и океан на юге, шумные города и края, где зимой не бывает снега...

Юноша снова взглянул на отца своими чистыми, волчьими глазами, в которых читалась немая мольба.

— Папа...

В этом взгляде было столько горечи, что сердце сжималось от жалости! И пусть Шу Мин во время движения совершенно забыл о точках на площадке и едва не уехал из кадра, пока его не вернули в строй, пусть его произношение вызывало смех — в самом юноше жила поразительная вера в предлагаемые обстоятельства. Эта искренность заставляла забыть о несовершенстве техники и странном акценте, увлекая за собой.

Отец и сын замерли, обменявшись долгими взглядами. Тишину прервал женский голос.

Навстречу им вышла Мэн Паньлань. На ней была удобная одежда для путешествий и очки в простой оправе. Опасаясь, что всадники её не услышат или проедут мимо, она во весь голос крикнула:

— Эй, брат!

Лошади остановились. Голос у девушки оказался на редкость звонким, а речь — чёткой:

— Брат, вы Бай Суна не знаете? Мы к нему путь держим, да вот заплутали по дороге.

Бай Сун, не слезая с коня, окинул её изучающим взглядом и, нахмурившись, ответил на ломаном китайском:

— Вам... зачем нужен Бай Сун?

Сцена была окончена.

— Снято! — выкрикнул Чжэн Ивэй.

Едва прозвучала эта команда, как сдерживаемый так долго хохот наконец громом огласил съёмочную площадку.

Шу Мин прекрасно понимал, над чем они смеются. Его щенячьи ушки были начеку — он слышал эти приглушённые смешки ещё во время игры! К тому же он так вжился в роль своего упрямого героя, что эмоции ещё не успели утихнуть. От стыда и досады у парня на глаза навернулись слёзы.

Окружающие диву давались: кожа юноши заметно потемнела от грима, но было видно, как его щёки и кончики ушей в одно мгновение залило густой краской. Мальчишка смутился до глубины души.

Ну и ладно, смейтесь сколько влезет!

Надувшись как рыба-фугу, Шу Мин скрестил руки на груди и сделал вид, что уходит, но Чжэн Ивэй вовремя перехватил его. В следующую секунду парень и сам не выдержал: глаза и уши ещё пылали, а он уже вовсю потешался над собой вместе со всеми.

В конце концов, это и впрямь было забавно. Шу Мин и сам это понимал, просто в образе смеяться было нельзя.

«Умение рассмешить людей — это ведь тоже талант», — подумал «щенок», и уверенность мгновенно к нему вернулась. Он подбоченился, совершенно довольный собой. Окружающие, которые были намного старше него, видя, как быстро мальчишка сам себя успокоил, заулыбались ещё теплее. Шу Мин всегда был таким: никакой заносчивости, требующей долгих уговоров. Немного детского кокетства, но без излишеств, и стопроцентный оптимизм! Ну как такого не любить?

— Хвалю! Молодец, отлично вошёл в роль! — Чжэн Ивэй расхохотался, не скрывая гордости за своего протеже, и с силой хлопнул Шу Мина по плечу.

Это был настоящий успех. Для актёра вера в образ и умение работать с эмоциями — первостепенные качества. А акцент и чувство кадра — дело наживное, этому можно научиться. Главное, что этот юноша сумел переступить через гордость и страх показаться смешным. Ребячество осталось за пределами площадки и не просочилось в характер его героя. Упрямство и неразговорчивость Бай Шаня он передал безупречно!

Именно эта самоотдача и профессионализм были истинной причиной того, что смех коллег был таким добрым. А всё остальное... ну, это лишь повод для улыбки. В конце концов, он ведь

ещё новичок, и ему нужно оставить пространство для роста.

Раз проблемы обнаружены, пришло время исправлять их и учиться. Золотая осень в степи скоротечна, а значит, времени на подготовку у Шу Мина было совсем немного.

Он вернулся к тому жёсткому графику, который был у него во время «Шоу 1».

Пять часов утра — «золотое время» для изучения языка, распевки и освоения техники народного пения нин. Всю первую половину дня Чжэн Ивэй и старшие коллеги по очереди объясняли ему тонкости актёрского мастерства, учили работать на камеру и правильно двигаться в кадре.

После обеда он отправлялся к Лян Жувэню. Композитор заставлял его шлифовать мелодию буквально по каждой ноте. Дошло до того, что Гэн Гуаньгуань не выдержал и прибежал ругаться, требуя, чтобы Жувэнь был хоть чуточку добрее к Шу Сяомину.

По вечерам Шу Мин повторял пройденное за день, умывался и смывал плотный грим, который поддавался с большим трудом. Часто случалось так, что пока старший брат помогал ему с очищением кожи, Шу Мин засыпал прямо с блокнотом в руках. Чжуан Чжэн смотрел на это, и сердце его обливалось кровью.

Он и раньше-то не мог злиться на брата, а после того, как Шу Мин, рискуя жизнью, спас Бай Му, и вовсе не находил в себе сил для суровости. Стоило Шу Мину после того инцидента чуть смягчить голос и сказать пару ласковых слов, как Чжуан Чжэн, продержавшийся в образе «строгого воспитателя» меньше часа, начинал винить себя.

Он размышлял об этом снова и снова, и в итоге жалость к младшему брату пересилила всё остальное. Ведь Шу Мин спас человека лишь потому, что он — порядочный и добрый малый...

Чжуан Чжэн превратился в того самого слепо любящего родителя, который в два счёта сам себя успокаивает и начинает окружать ребёнка чрезмерной заботой. Для любого проступка брата у него находилось оправдание. А уж видя, как Шу Мин сейчас трудится не покладая рук ради своего будущего, Чжуан Чжэн и вовсе таял.

Ему хотелось и лицо брату самому умыть, и зубы почистить — лишь бы тот поспал лишние пять минут. Однако Шу Мин со смехом уворачивался от такой опеки:

— Брат! Я сам!!!

Чжуан Чжэн с сожалением откладывал зубную щётку и вздыхал:

— Эх, вырос брат. Совсем не слушается... Какая печаль!

<http://bllate.org/book/16119/1587716>